

СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ УТОПИЧЕСКОГО КОММУНИЗМА ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ДИРЕКТОРИИ

А. Р. Иоаннисян

История утопического коммунизма во Франции в эпоху Директории и наполеоновской диктатуры изучена еще совершенно недостаточно. О коммунистических идеях в период Директории упоминают обычно лишь в связи с заговором Бабефа. Между тем и в период Директории и в период консульства и империи имеется ряд произведений, в которых обосновывались и защищались коммунистические идеи. Изучение этих произведений представляет тем больший интерес, что оно дает возможность проследить переход в условиях нового, пореволюционного буржуазного общества от утопического коммунизма XVIII в. к утопическим коммунистическим и социалистическим идеям XIX столетия.

В данной статье мы рассмотрим лишь одно из этих произведений, принадлежащее перу французского писателя второй половины XVIII столетия Ретифа-де-ля-Бретона (1734—1806).

Среди современных ему литераторов Ретиф по своему социальному происхождению являлся редким исключением. Выходец из деревни, он многие годы проработал в типографиях в качестве наборщика. Занявшись в дальнейшем литературной деятельностью, он приобрел вскоре некоторую известность. Ретиф принадлежал к среде демократической интеллигенции. Среди его друзей были известный руссоист Луи-Себастьян Мерсье — автор «Картины Парижа», Николя Бонвиль — один из основателей «Социального клуба», а также Сильвен Марешаль.

В 70—80-х годах XVIII в. Ретиф опубликовал многочисленные художественные произведения и ряд реформаторских проектов, в которых нашли свое выражение, с одной стороны, настроения крестьянства, а с другой стороны, настроения мелкобуржуазных и плебейских масс города, страдавших как от феодальной, так и от капиталистической эксплуатации¹. В своих трудах Ретиф пропагандировал планы различного рода ассоциаций — сельскохозяйственных товариществ, городских потребителейских объединений и других. Среди них наиболее интересным является, несомненно, проект производственной ассоциации типографских рабочих, в котором автор выдвигал идею организации типографскими рабочими кооперативной типографии. Проект этот — явление в литературе XVIII в. совершенно исключительное — предвосхищает аналогичные проекты рабочих производственных товариществ 30—40-х годов XIX столетия.

Наряду с планами отдельных ассоциаций Ретиф в своей книге «Андрограф»² выдвинул проект реорганизации всего общества на ассоциативных началах путем объединения представителей разных профессий и раз-

¹ О Ретифе и его дореволюционных произведениях см. В. П. Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789). 1940, стр. 77—80, а также нашу вступительную статью в книге Рети́ф-д-е-ля-Бретон. Южное открытие. М. 1936, и статью в «Литературном критике», 1936, № 7.

² «L'Andrographe, ou Idées d'un honnête homme sur un projet de règlement, proposé à toutes les Nations de l'Europe, pour opérer, une Réforme générale des moeurs et, par elle, le bonheur du Genre humain». La Haie. 1782.

личных классов. Одновременно хорошо знакомый с горестями и чаяниями крестьянства, он мечтал о радикальном уравнительном земельном переделе. Эта мечта получила наиболее яркое выражение в его проекте «Тесмограф»³, опубликованном в 1789 году. Коммунистические идеи в дореволюционный период носили у Ретифа чисто теоретический характер и излагались им в абстрактно-фантастической форме в таком, например, произведении, как утопический роман «Южное открытие»⁴.

К разразившейся во Франции буржуазной революции Ретиф проявил двоякое отношение: он приветствовал революцию, уничтожившую ненавистный ему феодализм и ниспровергшую власть дворянства и духовенства, ожидая от нее реализации своих общественных идеалов и возвращения на землю «золотого века». Однако в произведениях Ретифа этого периода⁵ сквозил обывательский страх перед бурными революционными событиями и проявлялось неприязненное отношение к выступлению народных масс, к парижским санкюлотам, к насилию и террору.

Уже в годы революции, пропагандируя необходимость коренного переустройства общества и осуждая в разгар движения «бешеных» раздел имущества, Ретиф противопоставлял подобным требованиям идеал коммунизма. 26—27 февраля 1793 г., говоря о разгроме лавок в Париже, он писал: «Для стран, где господствует народ, я знаю только одно лекарство: это не равный раздел состояний, что невозможно и что приходилось бы проделывать ежедневно заново, а коммунизм...»⁶. Борьбу за идеал нового, справедливого общественного строя Ретиф считал основной задачей своей жизни. «Я ясно видел, — отмечает он, — пустоту жизни, если только она не наполнена творческим волнением, имеющим целью вызвать в умах других людей идеал жизни, более справедливой для обездоленных»⁷.

Термидорианский переворот, положивший конец революции, не мог не оказать самого решающего влияния на умонастроение Ретифа, как и на многих других представителей демократической интеллигенции. Падение якобинской диктатуры и ликвидация «максимума» привели, как известно, к необычайному ухудшению положения мелкобуржуазных и плебейских масс. Катастрофическое падение ассигнатов, а затем и второго варианта бумажных денег — территориальных мандатов — и неудержимый рост цен разорили самые широкие мелкобуржуазные слои и сделали необычайно тяжелыми условия существования наемных рабочих, служащих и интеллигенции.

Если в условиях политического и хозяйственного кризиса эпохи революции погибло много крупных состояний и пострадали многочисленные представители старой буржуазии, то эти же условия, в конечном итоге, не только упрочили мощь буржуазии как класса, но и непосредственно создали предпосылки для самой необузданной спекуляции и молниеносного обогащения, для накопления новых богатств, для возникновения слоя новых богачей. Падение денежного курса, покупка и перепродажа национальных имущества, военные поставки — все это являлось для спекулянтов и дельцов настоящим золотым дном. После же Термидора эти новые богачи уже не считали нужным скрывать свое богатство, а, наоборот, ци-

³ «Le Thesmographe, ou Idées d'un honnête homme sur un projet de règlement, proposé à toutes les Nations de l'Europe, pour opérer une Réforme générale des Loix». La Haie. 1789.

⁴ «La Découverte australe par un Homme — volant, ou le Dédale français. Nouvelle très philosophique; suivie de la Lettre d'un Singe etc». Leipsick. 1781. Имеется выше упомянутый русский перевод.

⁵ Например, в пятнадцатой и шестнадцатой частях его многотомного произведения «Les Nuits de Paris, ou le Spectateur nocturne», вышедших в свет в 1790 и 1794 годах, в которых день за днем описываются революционные события. Имеется сокращенный перевод Ретиф-де-ля-Бретон. Ночи революции. М.-Л. 1924.

⁶ «Les Nuits de Paris...». Huitième-Seizième Partie. Paris. 1794, p. 460—461; то же «Ночи революции», стр. 105.

⁷ «Les Nuits de Paris...», p. 396—397; «Ночи революции», стр. 86.

нично его афишировали, спеша пользоваться жизнью и как бы насмеяться над всеобщей нуждой и лишениями.

Ежедневные полицейские сводки констатировали в 1795—1796 гг. ужасающую нужду «большой части» населения наряду с «чрезмерной», «скандальной» роскошью буржуазной верхушки и упоминали о «громких жалобах» на дороговизну и ажиотаж⁸.

По образному выражению Мерсье, послетермидорианское общество демонстрировало «гнусный контраст между самым неистовым богатством рядом с самой ужасающей нищетой»⁹.

Обстановка, сложившаяся во Франции после Термидора, создавала предпосылки для известного распространения коммунистических идей. Широкие плебейские массы были разочарованы результатами буржуазной революции. Особенно горькое разочарование новой неприглядной буржуазной действительностью испытывали наемные рабочие. Среди предпролетариата того времени все более усиливались поиски какого-то выхода из создавшегося положения. Рабочие не только с сочувствием вспоминали времена Робеспьера, когда труженики не умирали с голоду, но и искали какие-то новые пути, чтобы покончить с существующим общественным злом. Выразителями этих смутных социальных чаяний предпролетариата выступали представители радикально-демократической интеллигенции, также глубоко разочарованные исходом революции. Эта часть демократической интеллигенции, состоявшая в большинстве из лиц, еще до революции занимавшихся социальными проблемами и знакомых с уравнительными и коммунистическими идеями, приходила теперь к выводу, что лишь коммунизм способен разрешить все социальные противоречия и покончить со всеми общественными бедствиями. Так складывались предпосылки для возникновения бабувизма. Зимой и весной 1795—1796 гг. Бабеф и его сторонники развернули широкую пропаганду коммунизма, находившую сочувственный отклик среди трудящихся французской столицы. В апреле 1796 г. одна парижская газета сообщала, что даже на улицах велись разговоры о тех благах, которых можно было бы добиться в случае установления общности имущества¹⁰.

Именно в 1795—1796 гг. Ретиф завершил новое произведение, посвященное изложению его общественно-политических воззрений. Этот труд был закончен печатанием в середине 1797 г. и составил четырнадцатую и пятнадцатую части его многотомной автобиографии «Monsieur Nicolas»¹¹. Эти два тома, представляющие, по существу, особую работу, трактовали о «морали» и «политике». Как и все последние части его автобиографии, они появились в свет при совершенно необычных условиях. Ретиф сам набрал текст в своей маленькой домашней типографии и сумел отпечатать его в количестве 200 экземпляров на бумаге самого низшего качества. Новое произведение Ретифа не получило никакого распространения, о его выходе не было объявлено ни в одном журнале, и почти все нераспроданные экземпляры остались в доме его дочери. В 1806 г., после его смерти, они были проданы как макулатура¹².

В конце XIX в. произведения Ретифа стали привлекать к себе внима-

⁸ «Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire». Recueil de documents pour l'histoire de l'esprit public à Paris par A. Aulard. Vol. III. Paris. 1899, p. 226, 326, 364, 402, 656 и другие.

⁹ «Le Nouveau Paris», par le cit. Mercier. Braunschweig. 1800. Vol. III, p. 175; vol. VI, p. 61, 179.

¹⁰ «Paris pendant la réaction thermidorienne...». Vol. III, p. 115.

¹¹ «Monsieur Nicolas ou le Coeur-humain dévoilé. Quatorzième — dixseptième partie. Imprimé à la maison; et se trouve à Paris, et chés tous les Libraires de l'Europe, car cet ouvrage est pour toute la Terre». MDCCXCVII; «Monsieur Nicolas ou le Coeur-humain dévoilé. Quinzième — dixhuitième partie; Imprime à la maison; et se trouve à Paris, et chés les libraires de l'Europe; car cet ouvrage est pour toute la Terre». MDCCXCVII.

¹² P. L. Jacob. Bibliographie et iconographie de tous les ouvrages de Restif de la Bretonne. Paris. 1875, p. 401—403.

ние. В 1883 г. была переиздана его автобиография, однако без упомянутых теоретических частей, представляющих в настоящее время величайшую библиографическую редкость.

«Мораль» и «Политика» Ретифа — отнюдь не стройные трактаты, а бессистемное нагромождение отдельных очерков, экскурсов, воспоминаний, теоретических положений, идей. Мы встречаем здесь и описание исторических событий периода революции, и изложение эпизодов личного характера, и рассуждения на самые различные темы. Повествование ведется иногда от имени автора, в других случаях — в третьем лице. В этих двух книгах можно найти подчас и противоречивые высказывания по различным вопросам. В известной мере это объясняется тем, что отдельные части «Морали» и «Политики» были первоначально написаны еще в 1790 году. Однако в целом работа Ретифа, предназначенная, по заявлению автора, «для всего земного шара», — это обвинительный акт против порожденного революцией нового, буржуазного общества и последовательная защита коммунизма.

В своем произведении Ретиф по-новому оценивает общий ход французской революции. Хотя иногда у него и прорываются отголоски прежних, обывательских настроений, но в целом преобладает совершенно другой тон. С самого начала революции, утверждает он, народные массы, хотя и действовали стихийно, но всегда были правы. Даже совершенные во время революционных событий убийства и эксцессы в конечном счете оправдали себя, так как очистили Париж от аристократов (XV, 4312—4314). Автор не считает несправедливой смерть всех тех, кто был гильотинирован террористами. Большая часть погибших была преступниками, а не жертвами, врагами своего правительства и своей страны, и их уничтожение являлось общественным благом (XV, 4364—4365).

Так Ретиф приходит теперь к оправданию якобинской диктатуры и террора. «Несмотря на все упреки, которые можно столь справедливо сделать якобинизму, — заявляет он, — именно его пылкий дух спас Францию от унижения быть побежденной и разделенной врагами» (XV, 4498). Все, что делали Робеспьер и его соратники, отнюдь не было плохим (XV, 4367). Робеспьер пад жертвой людей, многие из которых не были его достойны (XV, 4373). Нужно поэтому относиться с недоверием к людям, которые поносят якобинцев; это роялисты, которые нападают на патриотов (XV, 4393—4394).

После Термидора, по мнению Ретифа, новые правители стали делать все обратное тому, что делали их предшественники, и этим навлекли на страну неисчислимые бедствия (XV, 4367). Их так называемая «система кротости» лишь развязала руки спекулянтам (XV, 4373—4374). В результате падения ассигнатов положение народа стало невыносимым. Считавшие себя гуманными члены Конвента не видели несчастных, которые, возвращаясь с работы, не находили дома куска хлеба. Когда же их стали проклинать, Конвент направил против парижан войска (XV, 4368—4369).

Много надежд возлагали на новую конституцию. Однако после ее провозглашения голод и нужда еще более усилились (XV, 4369—4370). Замена ассигнатов мандатами не дала должных результатов, так как и новое правительство, вместо того чтобы бороться против ажиотажа, оказалось на поводу у банкиров, ажиотеров, «лионцев» и питтистов разного рода. Оно открыто поощряло воровство и умышленно разорило простых честных людей в пользу ажиотеров, интриганов, негодяев (XV, 4379—4380). Говорят, что конституция препятствует принять меры против ажиотеров, но зачем же сделали конституцию такой порочной? (XV, 4491).

Резко нападая на термидорианцев, на конституцию III года и характеризую Директорию как режим, защищавший интересы спекулянтов и нуворишей, автор страстно разоблачает и гневно клеймит всю буржуазную действительность пореволюционной Франции. «Никогда, ни у какого

народа, ни в какое время не существовало подобного эгоизма, подобной аморальности», — восклицает он (XV, 4489). Эта «аморальность современного поколения» проявляется всюду, в самых различных областях, начиная с «аморальности» денег и торговли и кончая «аморальностью» прессы и брака¹³. После 1794 г., когда были опущены поводы, сдерживавшие порочных людей, и после принятия новой конституции все социальные связи распались. Каждый человек превратился в гнусного эгоиста, думающего только о самом себе (XV, 4491—4492).

Свобода, на которой настаивали собственники, и невмешательство правительства привели не к установлению разумных цен, а, наоборот, к их невероятному росту (XV, 4425). Негоциант стремится вырвать у земледельца наибольшее количество съестных припасов в обмен на товары, которые он дает изготовить за возможно более низкую цену; земледelec, в свою очередь, выжимает соки у несчастных ремесленников; розничные торговцы бесцеремненно отказывают во всем рабочему, чтобы заработать лишний эю (XIV, 3980—3981; XV, 4287).

«Несчастный, сумасшедший меркантильный дух овладел всеми слоями общества» (XV, 4532) — так характеризует автор новую, буржуазную экономику. Безостановочно, неограниченно размножаются торговцы — эти паразиты, которые живут, не трудясь, за счет общества. «Самые обыкновенные съестные припасы... являются объектом торговли бесполезных розничных торговцев, что я говорю бесполезных — вдвойне вредных: ведь это множество паразитов, уклоняющихся от необходимых работ, живет за счет продаваемых ими съестных припасов, которые должны были бы быть самыми дешевыми, дабы соответствовать средствам бедняков» (XV, 4533—4534).

Всюду между производителями и потребителями внедряются паразиты-посредники. Так «беспольные существа потребляют средства существования рабочих многих мануфактур». Так нация «кормит эти бесполезные рты вместо мануфактуристов» (XV, 4536). Торговцы — это люди без всяких принципов, без всякой морали (XV, 4506—4507).

Грабежом, по мнению Ретифа, являются прибыли не только торговцев, но и крупных негоциантов, чьи доходы, как и «доходы» злостных банкротов, автор относит к числу десяти видов воровства, причем считает их более преступными, чем грабеж на большой дороге (XIV, 4002—4006).

Новыми хозяевами общества являются «гнусные банкиры», ажиотеры, скупщики (XIV, 4001). Это они грабят тружеников и наживают огромные состояния на фоне всеобщего голода и нужды (XV, 4368—4369, 4372—4373, 4488—4490, 4811—4818). Французскому народу грозит порабощение «новым феодализмом, еще более худшим, чем прежний» (XV, 4506).

Что же нужно сделать, чтобы устранить существующее общественное бедствие? Необходимо прежде всего отказаться от ложного принципа невмешательства правительства в экономическую жизнь страны (XV, 4423). Надо создать твердое, наделенное диктаторскими полномочиями правительство, которое держало бы в узде земледельцев и торговцев, твердой рукой подавляло бы спекуляцию и беспощадно, путем террора, расправлялось бы со скупщиками, ажиотерами, банкирами (XV, 4366, 4374—4375, 4380—4381, 4405—4411, 4510; XVI, 4812—4813). Нужно ввести твердые цены на все товары, следить за поставкой съестных припасов и еженедельно определять заработную плату наемных рабочих (XV, 4415—4422).

Как видим, автор предлагает, по существу, восстановить максимум и вернуться к экономической политике периода якобинской диктатуры. Все это, по его мнению, было бы благом по сравнению с существующим положением. Однако подобного рода мероприятия он рассматривает лишь как паллиативы, неспособные устранить самые корни общественного зла.

¹³ Каждой из этих «аморальностей» автор посвящает особый очерк.

Основной причиной всех социальных бедствий является, по убеждению Ретифа, общественный строй, основанный на частной собственности. Люди искали происхождение зла; оно заключается в мерзкой, отвратительной собственности (XV, 4385). Богачи, особенно нувориши, а также бывшие дворяне утверждают, что люди образовали общество, чтобы обеспечить свою собственность. На самом же деле люди вначале не были собственниками, и в первое время общество было основано на республиканских и коммунистических началах. Общность уничтожили короли, которые создали знать и ввели собственность, приведшую к неравенству, угнетению и порабощению. Следовательно, сторонники собственности не могут быть настоящими республиканцами, а являются в душе роялистами (XV, 4387—4389).

Собственность противоестественна; она нарушает законы природы (XIV, 3980). Между тем существующее законодательство бесстыдно покровительствует собственности со всеми ее злоупотреблениями (XIV, 4090). Именно собственность привела к богатству и крайней нужде (XIV, 4002). Она изолировала людей, превратила их в неприятелей. В результате каждый стремится строить свое благополучие за счет благополучия других людей (XIV, 3958). Личные интересы отдельных лиц противостоят интересам всего общества (XIV, 4067—4068). Индивидуальная собственность является причиной всех пороков, существующих в обществе. Если бы не было собственности, то не было бы и пороков, хотя продолжали бы существовать страсти. Но страсти сами по себе, без алчности, никогда не порождают порока (XV, 4325—4326). Чтобы устранить все общественное зло, необходимо, следовательно, ликвидировать частную собственность.

По мнению Ретифа, существует восемь видов общественно-политического строя: деспотизм, монархизм, республико-монархизм, республиканизм, теократизм, сенатизм, патриархализм и коммунизм. Деспотизм, существовавший, в частности, во Франции до революции, обычно является наихудшим правительством. Монархизм, существующий в Англии, имеет некоторые преимущества лишь для средних слоев, народ же всегда остается в меньшинстве, и вся власть сосредоточивается в руках таких деспотов, как Питт. Столь же отрицательную характеристику автор дает республико-монархизму, теократизму, а также сенатизму и патриархализму (XV, 4233—4250).

Довольно детально останавливается он на «республиканизме». Хотя в виде примера этого строя он указывает лишь на США, однако, резко критикуя «республиканизм», он фактически подвергает критике современный ему буржуазный республиканский строй во Франции. Республиканизм, по существу, ничем не отличается от монархизма. Если при монархии члены общества должны слепо подчиняться королю, то при республике они вынуждены столь же слепо повиноваться своим избранным представителям и должностным лицам, которых всегда ничтожное меньшинство. Поэтому для народа различие между монархией и республикой является лишь воображаемым, а не реальным. При республике люди равны лишь «номинально». К тому же республиканский строй всегда превращается в олигархию и в конечном итоге приводит к деспотизму (XV, 4241—4243, 4297—4298).

По утверждению Ретифа, совершенным общественным строем, лучшим из всех правительств, единственно достойным разумных людей, является коммунизм. Ретиф специально подчеркивает, что речь идет не об «аграрном законе», а об «абсолютной общности» (XV, 4383). «Моральное и политическое равенство, раздел имущества, аграрное распределение — это пустые идеи, которые не приводят к цели» (XIV, 3962). Это относится не только к равенству, проповедываемому сторонниками «аграрного закона», но и ко всякой иной идее равенства. Равенство, столь превозносимое «сумасшедшим Руссо», является химерой, «разрушительным абсурдом»;

оно противоречит природе, оно низвело бы людей на положение готтентотов и других дикарей (XV, 4437—4438). Если бы, следуя так называемой «прекрасной системе равенства», удалось все уравнивать, то тем самым уничтожили бы науки и искусства (XIV, 4075—4076). Между тем, вопреки мнению христиан и якобинцев, обществу необходимы не только «полезные искусства», но и «искусства роскоши», к числу которых относятся профессии, связанные с изготовлением предметов роскоши, литература, изящные искусства и все отрасли науки (XV, 4471).

«Но вы хотите установить общность — разве это не равенство?». «Нет», — отвечал Ретиф. Коммунизм гарантирует от нужды и дает возможность каждому, независимо от его происхождения, посвятить себя той или иной профессии и занять общественное положение сообразно своим способностям и своему прилежанию, но он не уравнивает всех индивидуумов. Коммунизм «оставляет поэтому достаточно стимулов для соревнования» (XV, 4140). Ликвидация частной собственности отнюдь не приведет к уничтожению всякого соревнования, всякой энергии. Наоборот, «спокойствие за свои нужды придаст несказанную энергию трудящимся» (XV, 4425—4427). При коммунизме «соревнование, энергия, основанные на личном интересе, не понесут никакого ущерба; они, наоборот, приобретут больше силы и активности» (XV, 4385).

Вместо тысячи уголовных и гражданских законов при коммунизме будет существовать лишь один основной закон, обязывающий каждого человека к определенному труду сообразно своим способностям. Некоторые могут возразить, что в таком случае люди станут рабами и лишатся свободы. А разве люди свободны теперь «при царстве нужды»? (XV, 4429).

Людей побуждают к труду, кроме нужды, одиннадцать других стимулов, в том числе активность, честолюбие, властолюбие, слава, любовь, развлечение и т. д. Однако при разных формах общества те же самые стимулы приводят к различным результатам. Так, в современных условиях свойственная людям активность часто делает их ворами, ажистерами, интриганами. Однако она же в условиях коммунизма побуждает людей к труду и делает активных мужчин и женщин необычайно ценными для общества (XV, 4462—4468). «Физика похожа на мораль: в физике все делается лишь посредством стимула солей; в морали также все делается лишь посредством стимула страстей...» (XV, 4469). При коммунизме возможно будет правильно, на пользу общества, использовать страсти человека.

Ликвидация частной собственности, изолирующей людей и разделяющей их интересы, является единственным средством заставить личные интересы отдельных лиц служить общественному благу (XIV, 3960). Коммунизм — лучшее, наиболее действенное средство привязать людей к родине. Если теперь, при «несовершенной республике», французские солдаты вызывают восхищение всей Европы, то каковы же будут непобедимые армии при коммунизме? Когда народы увидят счастье французов, они добровольно объединятся с ними (XV, 4442—4444).

О коммунизме и его преимуществах Ретиф говорит в самых различных частях своего произведения. Он посвящает этому вопросу специальный раздел: «В чем состоит строй, основанный на собственности, в чем состоял бы коммунизм?» («En quoi consiste l'état propriétaire? En quoi consisterait le communisme») (XV, 4324 и сл.). Он говорит об этом и в специальном параграфе, озаглавленном «Превосходные последствия коммунизма» («Excellent effets du communisme». XV, 4385). Но Ретиф не ограничивается лишь общей характеристикой коммунистического строя. На 22 страницах он приводит специальный «Регламент, предлагаемый всей Европе и другим странам, жители коих являются европейцами», в котором излагаются принципы организации коммунистического общества (XV, 4328—4346).

Регламент этот состоит из 29 статей. Его основные положения следующие. Вся частная собственность превращается в общественную. Все граждане обязаны трудиться. После реформы земледельцы, ремесленники, литераторы, ученые, люди искусства продолжают заниматься своей профессией. Однако их дети не обязаны следовать профессии своего отца, а выбирают таковую сообразно своим способностям. Во главе каждой профессии в каждом городе и в каждой деревне стоят выборные начальники работ из числа самых способных граждан. Науку же и литературу возглавляет Академия или Национальный институт. В начале года каждый гражданин должен делать, устно или письменно, декларацию о той работе, которую он обязуется выполнить в течение года. Эти декларации регистрируются, а обязательства, взятые на себя представителями творческих профессий — художниками, писателями и другими, — публикуются в газетах. Особые трибуналы привлекают к ответственности за нерадивость и невыполнение своих обязательств, что считается самым преступным и низким проступком. Граждане, не оправдавшие себя в своей специальности, могут переводиться в другую профессию. Это относится прежде всего к представителям умственного труда. Последние в противоположность лицам физического труда не обязаны давать в течение года строго определенное количество продукции. Однако если в течение ряда лет они ничего не создадут или обнаружат абсолютное отсутствие таланта, то их обязывают заняться другой профессией. Тяжелые и грязные работы выполняют в принудительном порядке осужденные преступники.

Общество берет на себя заботу о всех нуждах граждан. Каждый город и каждая деревня представляют собой единую общину. Питание носит общественный характер. Существуют «общие столы» — каждый на 60 мужчин и 60 женщин. Одежда строго регламентирована в зависимости от возраста и заслуг. Дети воспитываются совместно под руководством общественных воспитателей и получают общее и профессиональное образование.

Гражданам не полагается денежного вознаграждения за их труд. Однако должны существовать различного рода монеты, начиная с бриллиантовых, золотых и кончая деревянными. Эти монеты отдельные лица будут получать за различного рода заслуги. На них они могут приобретать различного рода общественные почести. Они могут также уступать их другим лицам за оказанные им услуги. Таким образом, эти монеты будут поддерживать среди людей ту же энергию, что и деньги при существующем строе, не имея их пагубных последствий, так как в условиях коммунизма они не могут привести к той коррупции, связанной с неравенством, которая характерна для общества, основанного на частной собственности.

Эта система вознаграждения в зависимости от заслуг и исключает ту всеобщую уравнительность, против которой столь резко возражает Ретиф. При коммунизме, указывает он, выдающиеся люди смогут получать знаки отличия и даже богатства, которые, однако, не будут передаваться по наследству. Следовательно, при коммунизме «все люди будут равны в правах, отличия будут связаны лишь с личными заслугами» (XIV, 4076—4079).

Обосновывая коммунизм как идеальный общественный строй и восхваляя его преимущества, Ретиф обращался к правителям республики и ко всей французской нации с горячим призывом осуществить его на практике. Лишь коммунизм является истинным, совершенным республиканизмом. Не нужно ограничиваться полуреспубликой и полузавоеванием. Нужно прогнать эгоистов и собственников (XV, 4383, 4411, 4444).

Знаменательно, что Ретиф отнюдь не считал себя единственным представителем коммунизма во Франции. «Мы патриоты — республиканцы — коммунисты» («Nous seuls Patriotes — Républicains — Communistes»)

(XIV, 3969), — писал он, подчеркивая тем самым наличие во Франции и других сторонников коммунизма. Он приводит следующий эпизод, который, кстати сказать, обогащает наши сведения о коммунистической агитации в Париже осенью 1795 г., в момент утверждения новой конституции: «В секции Пантеона один гражданин требовал отвержения конституции и установления коммунизма. Однако сперва он так плохо объяснялся, что даже я сам был против него. Сторонники предрассудков возмутились... его хотели избить, столь могущественной была тогда уже аристократия! Мы этому воспротивились, председатель Делавинь и я. Мы узнали впоследствии, что этот человек был секретарем Робеспьера. Мы заключили из этого, что Робеспьер занимался аналогичным проектом. Вскоре я не имел никаких сомнений на этот счет» (XV, 4370).

У нас нет данных о каком-либо участии Ретифа в бабувистском движении. Мы можем констатировать лишь его давнишнее знакомство с таким видным участником заговора Бабефа, как Сильвен Марешаль¹⁴. Несомненно, что общие настроения, выраженные в книге Ретифа, совпадали с настроениями, характерными для представителей демократической интеллигенции, группировавшейся вокруг Бабефа. Мы видим у Ретифа то же оправдание террора и якобинской диктатуры (вплоть до идеализации Робеспьера как тайного сторонника коммунизма), то же отрицательное отношение к термидорианскому перевороту и к конституции III года, закрепившей власть за спекулянтами и нуворишами, и, наконец, тот же призыв не ограничиваться полуреспубликой, а установить настоящий республиканизм, каким может быть не «аграрный закон», а только коммунизм, устраняющий частную собственность и все общественные бедствия. Вполне возможно знакомство Ретифа с бабувистской литературой и прежде всего с легальной газетой Бабефа «Tribun du peuple»¹⁵. Во всяком случае, как и другие современники, Ретиф был, конечно, осведомлен о Бабефе и организованном им заговоре. В конце своего произведения, давая обзор событий, он писал: «Безрассудные гренеллисты были расстреляны; Бабеф и Дартэ казнены в Вандоме...» (XV, 4414). Этими словами и этим знаменательным многоточием и заканчивает Ретиф свою работу.

Видимо, крушением заговора Бабефа, полной неудачей предпринятой бабувистами попытки установления коммунизма во Франции и объясняющую пессимистические настроения Ретифа и чувства отчаяния и безнадежности, которые подчас проявляются в его книге. Хотя, заявлял он, коммунизм является пожеланием природы и разума, но ему противятся антисоциальные страсти многих людей (XIV, 3974). Коммунизму воспротивятся все собственники, все мошенники и негодяи, которые составляют, однако, три четверти человеческого рода (XIV, 3960). «Я знаю, — восклицал он, — что бесполезно проповедовать людям коммунизм... Запретили человеческого рода, эгоисты, богачи, все порочные люди слишком заинтересованы в том, чтобы помешать его осуществлению, чтобы он смог бы быть когда-нибудь реализован» (XV, 4386).

Коммунистические идеи, пропагандировавшиеся Ретифом, не являлись, однако, воспроизведением бабувистских идей¹⁶. В его книге мы не находим того, что является наиболее ценным и исторически значимым в идейном наследии бабувизма, а именно представлений о новой социальной революции, о диктатуре трудящихся, о путях постепенного по-

¹⁴ О дружбе Сильвена Марешаля с Ретифом еще в предреволюционные годы мы знаем из дневника последнего («Mes inscriptions». Journal intime de Restif de la Bretonne. Paris. 1889, p. 81, 123, 305, 309).

¹⁵ Лакруа (Жакоб) в своей библиографии произведений Ретифа прямо заявляет, что Ретиф стал приверженцем Бабефа, читая его газету «Tribun du peuple» (P. L. J a s o b. Указ. соч., стр. 298). Он, однако, ничем не подкрепляет это свое утверждение.

¹⁶ Кстати сказать, в бабувистской литературе мы не встречаем самого термина «коммунизм», который широко использует Ретиф, называющий к тому же самого себя «коммунистом».

строения коммунистического общества. Но, несмотря на это, работа Ретифа представляет несомненный интерес для истории социализма.

В своем произведении Ретиф выступает как эпигон утопического коммунизма XVIII века. Тот примитивный коммунизм общинного характера, который он описывает с самой мелочной регламентацией всей общественной жизни, вплоть до детальной регламентации одежды, со строгим соблюдением возрастной иерархии, с общинно-коммунистической организацией потребления, общими трапезами и т. п., — это живое наследие коммунизма XVIII столетия. Столь же традиционный рационалистический характер носит у Ретифа и обоснование коммунизма как разумного и естественного общественного строя, соответствующего требованиям природы и разума. Обычны для утопистов XVIII в. и те примеры коммунистических обществ, на которые ссылается Ретиф, начиная с индейских племен и кончая общинами Пинонов и гернгутеров¹⁷. Подобного рода представления, доводы и примеры мы находим не только в коммунистической литературе XVIII в. вообще, но и в дореволюционных работах самого Ретифа, на которые (в частности, на «Андрограф») он и сам повторно ссылался.

В то же время, однако, новое произведение Ретифа, созданное уже в обстановке буржуазного общества, возникшего во Франции в результате буржуазной революции, содержит и некоторые новые элементы. Это относится прежде всего к той конкретной общественной критике, которую мы находим в его книге. Критика эта непосредственно связана с буржуазной действительностью пореволюционной Франции. Это критика нового, буржуазного общества, с его царством «меркантильного духа», с господством банкиров и спекулянтов, с оргиями спекуляции и наживы на фоне голода, разорения и нищеты.

Говоря о предпосылках возникновения утопического социализма XIX в., Энгельс связывал его, как известно, с «горьким разочарованием» в результатах французской революции, когда предвещенное просветителями царство разума оказалось не чем иным, как царством буржуазии¹⁸. Одним из наиболее ранних проявлений этого горького разочарования буржуазным обществом, возникшим на развалинах феодализма, и явилось произведение Ретифа, опубликованное в 1797 году. Не удивительно, что мы находим там чисто «префурьеристскую» критику этого нового, буржуазного общества. Это относится прежде всего к разоблачению торгового паразитизма, разоблачение которого занимает центральное место и в общественной критике Фурье. Общественная критика Ретифа так совпадает по духу с общественной критикой Фурье, что мы находим даже в его произведении такое характерное для Фурье выражение, как «меркантильный дух» («esprit mercantile»). Если Ретиф считал «меркантильный дух» характерной чертой нового, пореволюционного общества, то и у Фурье именно «меркантильный дух» является характерной чертой третьей фазы цивилизации¹⁹.

Для коммунистических теорий XVIII в. характерно требование «ра-

¹⁷ В литературе XVIII в. идеализировались в коммунистическом духе не только различные первобытные народы, но и разного рода сектантские общины, вроде гернгутерских (см. статью Фегэ. Моравы в «Энциклопедии» — *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts, des métiers*. Vol. X. 1765, p. 705—706), а также французские крестьянские общины в Оверне, которые не имели коммунистического характера, а являлись средневековыми общинами, превратившимися в условиях развития товарно-денежного хозяйства в своего рода сельскохозяйственные паевые товарищества, тесно связанные с рынком и эксплуатировавшие труд наемных батраков. Описание упоминаемой Ретифом общины Пинонов см. в книге Леграна де'Осси «*Voyage fait en 1787 et 1788 dans la ci-devant Haute et Basse Anvergue...etc.*» Par le cit. Legrand. L'An III de la République. Lettre XXIX «Communautés établies près de Thiers, Celle des Guittard-Pinon. Gouvernement de cette sorte de republique; ses biens; ses lois, ses moeurs, etc».

¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 508—511.

¹⁹ См. А. Р. Иоаннисян. Генезис общественного идеала Фурье. М. 1939.

венства» как основного признака коммунистического общества. Уравни- тельные тенденции утопического коммунизма XVIII столетия проявляют- ся и в произведении самого Ретифа. Но в то же время он не только не идеализировал «равенство», но, наоборот, резко возражал против него, высмеивал «прекрасную систему равенства» и прямо заявлял, что ком- мунизм не есть равенство. В этом отношении Ретиф опять-таки ближе к социалистам-утопистам XIX в., в частности, к тому же Фурье, который также в самых резких выражениях осуждал уравниательные идеалы XVIII века²⁰.

В своем проекте коммунистического общества, в котором находят должное применение страсти и способности людей, Ретиф не только со- хранил предметы роскоши и отводил самое почетное место науке, лите- ратуре, искусству и работникам умственного труда, но и предусматривал систему вознаграждения, исключаящую уравнительность. Эта система вознаграждения связана, однако, только с «личными заслугами», которые одни и создают общественные различия. И здесь Ретиф воспроизводит не традиционные взгляды коммунизма XVIII в., а скорее предвосхищая идеи социалистов-утопистов XIX столетия. При этом он не замечал того явного противоречия, которое возникло в результате его попытки сочетать общинно-коммунистическую организацию потребления с принципом вознаграждения по «прилежанию» и «личным заслугам».

Произведение Ретифа, созданное в переломную общественную эпоху, в период становления во Франции нового, буржуазного общества, носит, таким образом, двойственный характер. С одной стороны, оно является одним из последних памятников коммунистической литературы этого столетия. С другой — мы находим в нем критику нового, буржуазного обще- ства и идеи, предвосхищающие некоторыми своими чертами построения социалистов-утопистов XIX века.

Книга Ретифа представляет исторический интерес также как доку- мент, свидетельствующий, что носителями коммунистических идей во Франции в период Директории были не только одни бабувисты. Комму- низм обосновывали и пропагандировали даже после гибели Бабефа и та- кие представители демократической интеллигенции, как Ретиф, противо- поставлявшие, подобно бабувистам, неприглядной действительности но- вого, буржуазного общества идеал коммунизма и выражавшие тем самым смутные социальные чаяния современного им предпролетариата.

²⁰ См. Ch. Fourier, *Oeuvres complètes*. Vol. III. Paris. 1841, p. 181 и другие.